

Танкер «Дербент»: Командиры -1

Category: Kitarcy, Powestler

написано kitarcy | 23 января, 2025

Танкер "Дербент": Командиры -1 КОМАНДИРЫ

1.

Подобно многим старым морякам, Евгений Степанович Кутасов был суеверен. По весне, выезжая под парусом на взморье ловить рыбу, он оставлял на песке щепоть табаку, чтобы не потерять снасти. Когда лодка попадала в полосу штиля и парус тряпкой обвисал на рее, Евгений Степанович посвистывал тихонько сквозь зубы, вызывая ветер.

Иногда ветер действительно приходил и надувал пузырем парус. Лодка кренилась и бежала резво. Евгений Степанович не торжествовал и не задумывался, – пришел ветер – и ладно. А иной раз сверкающее зеркало штиля простиралось до самого горизонта, сливаясь с раскаленным небом, и никакой свист не мог вызвать даже самого легкого колебания воздуха. Тогда Евгений Степанович, не унывая, брался за весла.

Одинокие поездки были любимым развлечением капитана Кутасова. Остановившись с пожилыми штурманами буксиров у пивной стойки, капитан Кутасов любил потолковать о своей прежней профессии. Сам он давно оставил плавание и служил в отделе учета Каспийского пароходства. Служба была спокойная, и шестичасовой рабочий день уютно укладывался между длинными ящиками карточек, набитых залежалыми сведениями о прошлогодних перевозках. Окна комнаты были обращены к морю. Голубая полоска рейда над плоскими крышами курилась дымками судов. Жужжание вентилятора, очищавшего воздух от архивной пыли, напоминало ему гул паровой машины, еле различимый на капитанском мостике корабля.

Но бывало и другое. Выезжая по выходным дням на взморье, провожал он глазами уходящие в море суда, пока не таял на

горизонте кудрявый прозрачный дымок. Тогда кидал он взгляд на берег, отделенный от него узкой полосой нечистой воды, и испытывал смутное сосущее чувство, похожее на тоску по родному месту. Но воспоминания таили в себе опасность, и он боялся заглядывать в свое прошлое...

Однажды, сидя дома за чаем, капитан Кутасов оторвал листок календаря. На подслеповатой картинке красноармеец в шашке замахивается штыком, угрожая уходящим в море пароходам. Под картинкой он прочел надпись: «1920. Установление советской власти в Одессе». Евгений Степанович взглянул на жену. Наталья Николаевна читала книгу, и свежее, полное лицо ее отражало спокойное довольство.

Если бы она узнала все, что случилось в ту ночь, ровно пятнадцать лет назад, была бы она так спокойна? Может, она и не любила бы его вовсе? И он торопливо, с ужасом и стыдом, стал вспоминать, смутно надеясь, что, возможно, теперь он найдет себе хоть какое-нибудь оправдание.

«Вега» тогда стояла в порту, ожидая погрузки. Белые поставили у сходней караул, а с палубы слышно было, как солдаты гремели прикладами по доскам причала. За ужином в кают-компании кто-то произнес слово «эвакуация», и все заговорили разом, но так тихо, словно кто-то спал рядом и его боялись разбудить.

– Плетью обуха не перешибешь, – уговаривает Евгений Степанович, – если мы откажемся везти, нас убьют... Да закройте же дверь!..

– Я не повезу, – медленно произносит механик Греве, бледнея, – убьют! Пусть! Их побили – и они мстят еврейским женщинам, грязные свиньи. Я сам видел...

– Греве, ради бога! – поднимает руки Евгений Степанович. – Здесь все согласны с вами, но зачем же кричать? Ведь иллюминаторы...

Старший штурман хлопает ладонью по столу.

– Разогнать команду, – хрипит он гневно, – открыть кингстоны – и все! Ну?

Греве кусает ногти.

– Сейчас нельзя. Они заметят – и нам будет конец. Значит, надо ночью. Слышите, нынче ночью.

Евгений Степанович озирается. Все они словно рехнулись сегодня, и их невозможно уговорить. Он произносит покорно:
– Хорошо. Сегодня ночью.

Его тучное тело била отвратительная дрожь. Ему хотелось домой: выпить чаю, успокоиться, увидеть жену. На улицах темно и пустынно, ветер несет по мостовой струйки снега. Евгений Степанович думает, что люди меняются на глазах, даже Грeve. Но дома, против ожидания, ему становится легче. Наталья Николаевна прислушивается к каждому звуку, доносящемуся с улицы, тревожно заглядывает ему в глаза. Что может он сказать ей? Что нынче ночью распустит команду и откроет кингстоны «Беги»?

На улице уже происходит что-то. Сквозь ставни доносится топот шагов. Что-то громоздкое ползет по мостовой, так тяжело, что дребезжат стекла. А над всем этим медленные, тяжкие удары, словно кузнечный молот бьет в чугунную доску.

Евгений Степанович одевается, чтобы идти в порт. Наталья Николаевна ухватилась за борт его кителя и крестит мелкими торопливыми крестами его плечо. Он отрывает ее руки, смотрит в ее трясущееся лицо и чувствует, как падает его решимость.

Опрометью выбежав на крыльцо, он не узнает улицы. В темноте мимо него движется людской поток, затаенно вспыхивают огоньки сигарок. Они движутся молча и поспешно, заполняя всю улицу, грохоча по камням множеством ног. Это отступают белые. Евгений Степанович крадется вслед за ними по тротуару, оглушенный и притихший.

У пристани качаются на столбах блестящие шары фонарей. Евгений Степанович пробирается сквозь густую толпу солдат и беженцев к сходням, где конвоиры скрестили штыки. Однако конвой его пропускает, – у него фуражка с капитанской кокардой.

Он стоит на палубе «Беги», моряки собираются вокруг него. Они ждут приказа, но он только щурит глаза, чтобы не видеть в жестком свете фонарей блестящих погон конвоя...

Неожиданно Грeve появляется рядом. Лицо у него измученное, изжелта-бледное, злое.

– Началось раньше, чем мы думали, – говорит он озабоченно, – надо уходить, капитан. Ребята ждут приказа.

Евгений Степанович вздрагивает.

– Подождите, голубчик, – бормочет он невнятно, – видите, что творится, и... я думаю, не повезти ли в самом деле?..

– Зачем вы пришли сюда? – печально говорит Грече. – Ах, капитан!..

В это время людской поток снимает заслон у сходней и растекается по палубным проходам, оглашая их буйным топотом мятущегося стада. У бакборта притаились темные фигуры матросов. По очереди, медленно перекидывают они ноги через перила, сжимаясь в комки, бесшумно, как мягкие кули, падают на пристань и по темному ее краю крадутся, сгибаясь, как школьники, играющие в чехарду.

Евгений Степанович облегченно вздыхает. Команда покинула судно, не дожидаясь приказа. Но тотчас же его охватывает новый приступ леденящего страха. Он стаскивает с головы фуражку и ногтями срывает предательскую кокарду.

– Капитан, прекратите дезертирство!

Этот резкий окрик заставляет его втянуть голову в плечи. Зачарованно впивается он в округленные бешенством глаза.

– Я не капитан, – говорит он не своим, каким-то шепелявым, срывающимся голосом, – и я ничего, ничего не знаю...

– Так ты не знаешь? – раздается над ухом Евгения Степановича.

– Ты не знаешь, подлец? Будешь знать!

Сильный удар заставляет его потерять равновесие, и он оседает на палубу всем своим рыхлым телом. Сквозь набегающую слезу видит он блестящее голенище сапога, взбегающее к лампасам, и руку, поспешно рвущую застежку кобуры.

– Не надо! – пронзительно взвизгивает Евгений Степанович, охватывая обеими руками сапог, рванувшийся от его прикосновения. – Не надо! – кричит он протяжно, поймав наконец ногу и прильнув к ней разбитым лицом. Лежа ничком и не поднимая головы, он чувствует, что опасность миновала.

– Где же капитан? – рычит офицер. – Ты слышишь, холуй!

– Он там... – стоя на четвереньках, Евгений Степанович показывает куда-то на ют.

Он поднимается на ноги и зажимает рукою лицо. В таком виде – растерзанный, с непокрытой головой – он легко может покинуть

судно. Когда он спускается на пристань, до него доносится нарастающий грозный гул голосов, и он оборачивается в последний раз, чтобы увидеть, что происходит на «Веге». От грохота выстрелов он вздрагивает всем телом, словно невидимый бич с размаху ожег его вспотевшую спину. Евгений Степанович знает, что случилось. Расталкивая толпу, задыхаясь, закрывая платком разбитое лицо, он уходит прочь и останавливается, только миновав пристанскую ограду. Прислонившись к фонарному столбу, сотрясаясь, он плачет долго и разглядывает пальцы, перепачканные в крови. Боль не так уж сильна, но, преувеличивая свои страдания, он протяжно стонет, и это помогает ему подавить бессильное отвращение к себе. По главной улице еще тащится хвост отступающих. Евгений Степанович слышит гулкие неторопливые удары, наплывающие из темноты.

– погоди, сволочь, – бормочет он, оборачиваясь в сторону пристани, – Не уйдешь!

Им овладевает обессиливающее его самого бешенство. Но то неведомое, что надвигается из степи, сотрясая воздух чугунными ударами, может быть еще ужаснее... Ведь каждую минуту могут ворваться к нему, избить его, оскорбить Наталью Николаевну, а он может только умолять или смотреть, как ее оскорбляют. Он знал, что не в силах будет противиться этому. Хорошо бы стать совсем незаметным, отказаться от капитанства...

В ореховой гостиной по-прежнему горит керосиновая лампа, тикают стенные часы. Словно и не уходил он отсюда вовсе. На вопросы Натальи Николаевны он ответил коротко, односложно:

– Грехе убили... Хотели убить меня, но я скрылся.

Оскара Карлыча убили...

Нестерпимо горела душа от ее взгляда, любовного, преданного, от осторожных прикосновений ее мягких рук, делавших перевязку. Несколько дней провел он дома, сидя в кресле и почти не двигаясь. Изредка подходил к окну и отодвигал занавеску. На улицах было спокойно. Однажды он увидел необыкновенного солдата в шишаке и без погон, с малиновыми нашивками на груди. Он стоял, по-хозяйски расставив ноги, и читал листок, наклеенный на стене. Евгений Степанович посмотрел на солдата, на прохожих, не обращавших на него внимания, задевавших его

локтями, и понял, что война кончилась. Тревога прошла, осталась апатия, похожая на постоянную усталость. Но надо было жить, и однажды он сказал жене, краснея и пряча глаза, словно признаваясь в чем-то позорном:

– Я бы хотел уехать отсюда... совсем.

Она, не задумываясь, ответила:

– Как хочешь, мой друг. Куда же мы поедем?

И посмотрела на него тем соболеющим и долгим взглядом, который делает излишним всякое объяснение.

– А хоть бы на Каспий, – говорил Евгений Степанович. – Я думаю, там грузооборот не меньше нашего, пожалуй. И жарко. Я люблю жару.

Они тронулись в путь, как только стаял снег и с моря потянул теплый ветер. В Батуми они ходили по Ботаническому саду, покупали мандарины, завернутые в зеленые листья, и Евгений Степанович оживился. Ему казалось, что он стал незаметнее, мельче. Он явился в Каспийское пароходство небритый, одетый не по форме, в пенсне и с галстуком, распущенным по-стариковски концами врозь, – ни дать ни взять мелкий служащий. Слушая молодого веселого комиссара, толковавшего о значении социалистического учета, он солидно кивал головой; ему очень понравился и комиссар, и непривычно светлое море на рейде, и даже дело, которым ему предстояло заняться.

За пятнадцать лет, проведенных на одном месте за сидячей работой, Евгений Степанович постарел, утратил подвижность и приобрел много привычек. Его безотчетно пугало то новое, что встречалось ему на каждом шагу. В нефтегавани он рассматривал огромные плоскодонные суда-танкеры, в которых все казалось ему неестественным, перепутанным, сдвинутым со своих привычных мест. Вместо трюмов все грузовое пространство разбито на мелкие отсеки-танки. В палубе только узкие люки с круглыми смотровыми окошками. В море люки задраены, и судно закупорено, как пивная бутылка. В машинном отделении – не паровая машина, а дизель-моторы. Все шпиль и руль движутся не паром, а электричеством, а пожарные устройства подают не воду, а углекислый газ. Бог с ними! Ему казалось, что на «Веге» все

было устроено гораздо мудрее и целесообразнее. Когда-то он смеялся над безграмотными шкиперами и, первый из капитанов, изучал паровую машину. Теперь он недоумевал, зачем понадобились на Каспии теплоходы, зачем радиотелефон сменил искровые станции и электрокраны сменили паровые лебедки.

Однажды, в послеобеденный час, когда затих треск арифмометров и благопристойные голоса в отделе учета снизились до шепота, Евгения Степановича вызвали к Годояну, начальнику Каспийского пароходства. Пока подымался он по лестнице, покачиваясь подобно плавной, крутобокой ладье, его одолевали предчувствия. Может быть, напутал в сводках и это обнаружилось? У дверей кабинета он остановился и оправил пиджачок.

Годоян сидел за письменным столом, нагнувшись к бумагам. Он поднял голову и блеснул очками.

– Капитан Кутасов? Садитесь, капитан. Где вы работаете?

У него был мягкий, спокойный голос, и голова его казалась маленькой и хрупкой рядом с каменной головой бюста на столе. Евгений Степанович ободрился.

– Я инспектор учета.

– Вы капитан дальнего плавания?

– Да.

– Где вы плавали?

– На сухогрузном пароходе «Вега» десять лет.

– О, это большой срок! Вы специалист своего дела, я думаю.

Годоян поправил очки и улыбнулся. Заулыбался и Евгений Степанович. Как видно, начальник Каспара был прекрасный человек. Безмятежно улыбаясь, начальник продолжал:

– Вы хорошо работаете, капитан. Штурманская практика, вероятно, здорово помогает вам?

– Не-ет, практика мне не помогает. Здесь ведь совсем другое дело – статистика.

– А когда так, – брякнул Годоян, облегченно вздыхая, как следователь, установивший главный пункт обвинения, – когда так, то нечего вам и сидеть в канцелярии. По-моему, ясно.

– Что же мне делать? – пробормотал Евгений Степанович упавшим голосом. У него опять мелькнула догадка о какой-то ошибке в сводках.

Годоян поднялся и хлопнул ладонью по бумагам:

– Дело найдется, капитан! Танкер «Дербент» сейчас проходит сдаточные испытания. На днях выйдет из доков. Это будет подходящее место для вас, не правда ли? Нам не хватает опытных капитанов.

От неожиданности Евгений Степанович ответил не сразу. Он знал, что нужно отказаться немедленно, но под взглядом Годояна у него как-то не поворачивался язык.

– Мне кажется, лучше бы мне остаться, – начал он просительно, стараясь придать голосу задушевную мягкость, – мне уже трудно, знаете... годы мои...

Выражение лица Годояна мгновенно переменялось, оно сделалось насмешливым, словно он вдруг понял, что перед ним не тот человек, которого он искал.

– Хотите остаться в канцелярии? Ну, как знаете. – Он поглядел устало мимо лица Евгения Степановича и добавил: – Ведь я дело вам предлагаю, настоящее, большое дело. Эх, капитан!

Евгений Степанович почувствовал, что краснеет. Ему хотелось возразить Годояну. Разве он плохо делает порученную ему маленькую работу? Но в то же время хотелось, чтобы этот молодой стремительный человек снова улыбнулся ему дружелюбно, как равному.

– Какая грузоподъемность у «Дербента»? – спросил Евгений Степанович неожиданно, сам удивляясь своему вопросу.

«Точно уж готов согласиться», – подумал он с испугом.

Годоян усмехнулся:

– Восемь тысяч тонн брутто. Вам мало?

– Н-н-ет, не то чтобы мало, а надо же знать... – ответил Евгений Степанович, натянуто улыбаясь. В последний раз екнуло у него сердце от сознания, что говорит он совсем не то, что нужно. Но Годоян поднялся, протянул ему руку и пожал ее со странной поспешностью.

– Значит, по рукам! – сказал он весело. – Ну, желаю успеха. Другой бы обеими руками схватился и думать не стал бы, а вы... Эх, капитан!

Евгений Степанович улыбался, вытирая пот со лба. Покойная комната в отделе учета, сводки и цифры отодвинулись далеко

назад, словно выдул их из сознания засвистевший в ушах
широкий, свободный ветер. Powestler